

ЗАСУХА, ГОЛОД 1946—1947 годов

Одним из многочисленных «белых пятен» более чем семидесятилетней истории советского общества является стихийное бедствие — засуха 1946 г., охватившая южные районы страны, и ее тяжелые социально-экономические последствия. В работах, освещающих события первых послевоенных лет, в том числе в исследованиях по истории Молдавии, Украины, особенно сильно пострадавших от засухи, есть лишь упоминание об этом, приводятся показатели гибели посевов или снижении урожайности, факты помощи государства пострадавшим областям в преодолении последствий засухи¹. Однако трудности, бедственное положение, которое пришлось перенести населению, «цена» преодоления последствий засухи не раскрываются должным образом. До последнего времени не было даже упоминания о голоде применительно к первым послевоенным годам². Создавалось впечатление, что народу удалось легко, без потерь справиться со стихийным бедствием. Но это было далеко не так. В конце 80-х гг., после XXVII съезда КПСС, ряд публицистов, писателей, свидетелей событий того времени показали, что следствием засухи был голод во многих областях страны, унесший тысячи жизней. Появились и первые исследовательские публикации историков о голоде тех лет³.

Задача статьи — попытаться показать масштабы, причины остроты и тяжести последствий засухи 1946 г., трудности их преодоления. Сложность изучения этих вопросов — прежде всего в ограниченности источников. Многие из них недоступны для исследователей, другие односторонни. В документах того времени — материалах местных Советов, партийных организаций, в том числе различных отчетных материалах, направляемых в центральные органы, трудности, переживаемые колхозом, районом, областью, республикой, как правило, преуменьшались. Что касается бедственного положения населения, недоедания, голода и связанных с ним болезней, то эти данные, как особо секретные, в документах не упоминались. Не было упоминания о голоде и в выступлениях партийно-государственных руководителей Молдавии и Украины⁴. Мало дают исследователю и материалы медицинской, санитарной статистики. Она неполна, в ней учитывались лишь данные по врачебным, больничным учреждениям, которые не охватывали большей части сельского населения, к тому же редко обращавшегося за помощью в эти учреждения. Кроме того, и в отчетных данных медицинских учреждений, как не без основания отмечалось на пленуме Центральной научно-медицинской санитарно-статистической комиссии Минздрава СССР (декабрь 1946 г.), допускалось известное сглаживание остроты положения, преуменьшение размеров заболеваемости. Да и возможности для получения полных, объективных данных о состоянии заболеваемости, смертности, движении населения в то время были ограничены. Предложения специалистов провести изучение заболеваемости населения в 1947 г. по определенной программе с охватом большого числа городских и сельских поселений было отклонено правительством как несвоевременное⁵.

Сельское хозяйство СССР выдержало тяжелейшие испытания войны. В течение четырех лет при недостатке рабочей силы, техники оно обеспечивало самые необходимые потребности страны в продовольствии. Величайшее напряжение военного времени сказывалось и в мирных условиях. В первый послевоенный год сельское хозяйство вступило ослабленным. Была подорвана материально-производственная база колхозов и совхозов. Резко сократились трудовые ресурсы деревни. К началу 1946 г. трудоспособное население колхозов уменьшилось по сравнению с 1940 г. почти на $\frac{1}{3}$, а число трудоспособных мужчин составляло только $\frac{2}{5}$ довоенного уровня⁶. Меньше стало тракторов, комбайнов, другой сельскохозяйственной техники. В сложных условиях развертывалось восстановление сельского хозяйства страны, особенно в освобожденных от оккупации областях. Сюда направлялись основные усилия Советского государства. В 1946 г. восстановительные работы только начинали развертываться. Положение в сельском хозяйстве оставалось тяжелым. Оно было еще более осложнено засухой.

Засуха охватила почти все зерновые области страны — Украину, Молдавию, Правобережье Нижней и Средней Волги, Ростовскую область, Центральную Черноземную зону. Ее влияние, правда, в несколько меньших размерах, ощутимо сказывалось и на многих областях Нечерноземья, особенно в его южной части, Восточной Сибири. По силе и масштабам охвата территории засуха 1946 г. была больше, чем в 1921 г., и напоминала засуху 1891 г.⁷ Во многих районах дождей не было 60—70 дней подряд. По данным Института земледелия Центрально-Черноземной зоны (Таловский район Воронежской области), с момента посева ранних зерновых и весь май не было ни одного дождя. Относительная влажность воздуха упала ниже средней на 22%⁸. В засушливом 1921 году за май—июнь выпало в 2 раза больше осадков, чем в 1946 г. Первый эффективный дождь выпал только 29 июня. К тому же осень 1945 г. оказалась в этих районах сухой, зима малоснежной⁹. Запасы влаги предыдущего года от таяния снега были невелики. А для Молдавии и некоторых областей юга Украины это была уже вторая засуха после 1945 г.

Засуха в нашей стране, где сельское хозяйство развивается в сложных природно-климатических условиях, большая часть пашни и посевов зерновых культур сосредоточена в степных, засушливых районах, не такое уж редкое явление. Она довольно часто посещает районы недостаточного увлажнения. Но тяжесть последствий зависела не только от размеров и остроты засухи, но и от силы сопротивления земледельца стихийному бедствию, культуры земледелия. К сожалению, в первый послевоенный год колхозы и совхозы не могли противопоставить засухе такой комплекс мер, который бы не допустил ее пагубного влияния. Ослабленные войной колхозы при недостатке техники, рабочей силы не могли соблюдать многие самые необходимые требования агротехники: сроки посева, качество семенного материала, качество обработки почвы и т. д. Большая часть озимых под урожай 1946 г. была засеяна некондиционными семенами и с большим опозданием. В Краснодарском крае, например, сев озимых длился до 10 декабря. В срок было посеяно только 61% озимых. На Украине в нормальные агротехнические сроки было посеяно немногим более половины озимых¹⁰. С большим нарушением агротехники были проведены и весенние полевые работы. Проверенным агротехническим средством сохранения влаги в почве, ослабления влияния засухи является сев по зяблевой вспашке. В 1946 г. по зяби было посеяно всего лишь 22% яровых вместо 56% в 1940 г.¹¹ К тому же во многих областях этот сев был проведен с большим опозданием. В Рязанской области весенний сев длился около 70 дней, в Воронежской, Пензенской — 45—55 дней¹². В основных зерновых районах в 1946 г. весенний сев шел на 10—15 дней дольше, чем в 1940 г., а, по данным

специалистов, и при благоприятных погодных условиях опоздание с севом на 10 дней снижает урожайность на 15—20%¹³.

Невысоким было во многих колхозах и качество полевых работ. В областях, подвергавшихся оккупации, при недостатке техники, рабочего скота значительная часть весенних полевых работ — вспашка, боронование — выполнялась с использованием коров из колхозных ферм и личных хозяйств колхозников. На Украине, в Белоруссии во многих колхозах до половины работ на весеннем севе было проведено на коровах¹⁴. Конечно, качество этих работ далеко не соответствовало основным агротехническим требованиям и не могло не отразиться на урожайности.

Сказывались не только объективные причины, но и все более утрачивавшееся колхозниками хозяйское отношение к земле, практически бесплатная работа на колхозных полях за пустой трудодень в течение ряда лет. Отчуждению крестьянина от земли способствовала административно-командная система управления колхозами, установившаяся со времени коллективизации. В сложных условиях первых послевоенных лет важно было предоставить большую самостоятельность колхозам в ведении хозяйства, наиболее эффективном использовании их ограниченных возможностей. Однако методы командования, мелочной опеки по отношению к колхозам, получившие особенно широкое развитие в годы войны, не только не ослабевали, а усиливались. Партийные и советские органы районов и областей требовали обязательного выполнения планов сева в установленных размерах, в сроки, нередко не учитывающие местные условия, возможности колхозов. Все это также отразилось на качестве посевных работ, на урожайности.

Приближение засухи, угроза урожаю в областях Украины и в Молдавии стали появляться уже во второй половине мая. Особенно ощутимо нарастание засухи дало о себе знать в Молдавии и на юге Украины, где и предыдущий 1945 год был засушливым. «Солнце жгло немилосердно. Земля потрескалась, посевы чахли, сахарная свекла опустила увядшие листья», — вспоминал об этих тяжелых днях председатель колхоза «Здобуток жовтня» Киевской области Герой Социалистического Труда Ф. Дубковецкий¹⁵. Многого делалось для спасения урожая: проводилось рыхление земли, прополка посевов, ручной полив, но в условиях того времени существенно ограничить губительное воздействие засухи не удавалось. Чувствуя свое бессилие в борьбе с надвигающимся бедствием, в некоторых деревнях, как и в старину, проводились специальные богослужения, молебствия. В мае — июне 1946 г. по 20 районам Пензенской области состоялись молебствия на колхозных полях, причем в некоторых районах молебствия официально разрешались райисполкомами¹⁶.

С приближением времени уборки становилось все более очевидным, что урожай не оправдывает возлагавшиеся на него надежды. В этих условиях важно было тщательно собрать все выращенное, не допустить потерь. Собрано было все, что можно было убрать. Но на больших площадях юга Молдавии, ЦЧО, Украины убирать практически было нечего. Зерновые культуры, сахарная свекла, картофель полностью погибли. В Воронежской области погибли полностью посевы зерновых на $\frac{1}{4}$ площади, более половины сахарной свеклы, в Ростовской области — 292 тыс. га зерновых, в Орловской области — более 60 тыс. га, в Тамбовской — более 40 тыс. га зерновых¹⁷. Общая площадь зерновых культур колхозов, погибших от засухи и плохой перезимовки, составила 4, 3 млн. га, т. е. 6, 3% всех посевов зерновых¹⁸. Процент полностью погибших зерновых сравнительно невелик, но он не отражает размеров последствий засухи. Надо иметь в виду, что сюда входят посевы в наиболее урожайных, зерновых областях. Кроме того, на площадях, не числящихся полностью погибшими, был собран урожай, еле возмещавший расход на посев. В колхозах Молдавии собрали по 2, 3 ц с гектара, в Одесской, Луганской, Харьковской областях — 2, 3—2, 9 ц, в Воронежской — 2, 4 ц, в Сталинградской — 2, 9 ц¹⁹. Правда, в отдельных хозяйствах областей, охваченных засухой, где соблюда-

лись требования агротехники, удалось вырастить неплохой урожай. На Эльтонском сортоучастке (Сталинградская область) средний (видовой) урожай зернового состава 16 ц с га, хороший урожай получили некоторые колхозы Сальского района Ростовской области. Но это были лишь отдельные островки, свидетельствующие о том, что при более высоком уровне культуры земледелия засуха не имела бы столь тяжелых последствий. «Если бы материально-техническая база сельского хозяйства не была подорвана войной, — справедливо подчеркивал министр сельского хозяйства того времени И. А. Бенедиктов, — засуха не отразилась бы так серьезно на уровне урожайности»²⁰. В областях, не пострадавших от засухи, — Сибири, Казахстане — в 1946 г. был выращен удовлетворительный урожай. В Алтайском крае урожайность зерновых увеличилась более чем вдвое по сравнению с 1945 г. Однако полностью убрать его не удалось. При недостатке уборочной техники, рабочей силы, незаинтересованности колхозников в работе уборка затянулась. В Казахстане во многих колхозах уборка продолжалась более 100 дней; 68, 4 тыс. га зерновых не были убраны, ушли под снег. К 20 сентября, когда уборка зерновых должна быть закончена, по стране было убрано от 60 до 70%. Не удалось своевременно убрать «второй хлеб» — картофель. На 10 октября, до первых сильных заморозков, было убрано 68% картофеля. Остальной убирался подмороженным, большая часть его ушла под снег²¹.

В среднем по стране урожайность зерновых культур в 1946 г. составила 4, 6 ц с гектара — вдвое меньше, чем в 1940 г., и значительно меньше показателей 1945 г. Соответственно и валовое производство хлеба сократилось. В 1946 г. было собрано во всех категориях хозяйств 39, 6 млн. т, тогда как в 1940 г. — 95, 6 млн. т, в 1945 г. — 47, 3 млн. т²². Значительно меньше было собрано картофеля. Хотя здесь разрыв по сравнению с показателями 1940 г. был меньшим, так как основные картофелепроизводящие области не были охвачены засухой.

Неурожай в южных областях, сокращение возможностей заготовки сельскохозяйственной продукции требовали изменений в заготовительной политике, создания условий, повышающих заинтересованность колхозов и колхозников областей, не охваченных засухой, в увеличении продажи своих продуктов. Однако таких изменений не произошло. Принципы заготовительной политики, сложившиеся в довоенные годы и во время войны, сохранились и в первый послевоенный год. Остался без изменений налоговый характер заготовок. Обязательные поставки сельскохозяйственной продукции исчислялись с гектара пашни (зерно, картофель) или с гектара всех сельскохозяйственных угодий (продукция животноводства). При этом не учитывалось, что значительные площади земли колхозов из-за недостатка техники, людей пустовали, не засевались, а с них начислялись государственные поставки. Нормы поставок продукции животноводства с колхозов, увеличенные в годы войны, оставались без изменений и в 1946 г. Сохранялись прежние, по существу символические заготовительные цены на сельскохозяйственную продукцию, далеко не возмещающие себестоимость ее производства²³. А все это предопределяло и сохранение прежних командных, принудительных методов заготовок.

С приближением времени хлебозаготовок колхозы, совхозы, многие партийные, советские работники областей, охваченных засухой, обращались с просьбами о снижении планов заготовок. На Пленуме ЦК КП(б) Молдавии с такими просьбами выступили секретари ряда райкомов партии. Однако эти требования были расценены секретарем ЦК КП(б) Молдавии Н. Салагором как антипартийные, антигосударственные²⁴. В Совет Министров СССР уже в мае—июне из многих республик и областей стали поступать просьбы о снижении планов хлебозаготовок или об отсрочке с расчетами по заготовкам на 1947/48 г.²⁵ Большинство просьб не получило поддержки. Но для областей, охваченных засухой, планы хлебозаготовок были уменьшены. Так, для Курской области план был в 3 раза меньше, чем в 1945 г., для Молдавии — в 3, 7 раза.

Значительно уменьшились планы и для Тамбовской, Орловской и других областей²⁶. Для Украины был установлен план хлебозаготовок, хотя и несколько уменьшенный, но все-таки намного превышающий возможности республики. Н. С. Хрущев, занимавший в те годы пост секретаря ЦК КП(б) Украины, обратился с письмом к Сталину, в котором доказывал, что республика не может выполнить план, нуждается в продовольственной помощи. Но эта просьба не была принята во внимание²⁷. С областей вне зоны засухи планы хлебозаготовок были увеличены. Казахской ССР, например, план был увеличен на 11, 8 млн. пуд., Алтайскому краю — на 6 млн., Краснодарскому краю — 4 млн. пуд²⁸. Для возмещения сниженных планов хлебозаготовок были увеличены размеры натуроплаты МТС за работы, выполненные в 1946 г., и предложено уплатить авансом в счет 1947 г. натуроплату за подъем паров и вспашку зяби²⁹. К поставкам зерна были привлечены подсобные хозяйства предприятий, воинских частей, лагерей заключенных³⁰. Хозяйства колхозников, рабочих совхозов, имеющих приусадебные хозяйства, также были должны участвовать в заготовках хлеба с фактической площади посевов на них. По УССР, например, заготовки с этих участков должны были составить около 3 млн. пуд.³¹ Таким образом, колхозники лишались и этого источника получения хлеба.

Для того чтобы обеспечить самые необходимые потребности страны в продовольствии, от местных партийных, советских организаций, руководителей колхозов, совхозов требовалось выполнение заданий по хлебозаготовкам любой ценой. Этим определялись способности руководящих работников районов, областей, их соответствие занимаемой должности. Отчеты о ходе заготовок осенью 1946 г. не сходили с повестки дня заседаний бюро обкомов, райкомов партии, исполкомов местных советов. Политбюро ЦК КП(б) в ноябре—декабре 1946 г. еженедельно обсуждало ход хлебозаготовительной кампании по республике³². Руководители партийных, советских организаций областей вызывались в ЦК ВКП(б), Совет Министров СССР с отчетами о положении с выполнением планов хлебосдачи. На места рассылались грозные телеграммы, требующие ускорения заготовок, безусловного выполнения плановых заданий. В телеграмме Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 26 сентября 1946 г., направленной в ряд областей, их руководители обязывались принять решительные меры к улучшению хлебозаготовок. Руководителей районов, затягивающих хлебозаготовки, предлагалось привлекать к строгой ответственности. О принятых мерах руководители областей обязывались докладывать в Совет Министров СССР каждые 5 дней³³.

Через 2 месяца, 26 ноября, в республики, края и области была направлена новая телеграмма ЦК ВКП(б) и СНК СССР, в которой указывалось, что в ряде колхозов антигосударственные элементы тормозят обмолот и очистку зерна, скрывают обмолоченный хлеб в скирдах. Партийные и советские органы обязаны решительно пресекать «противогосударственные действия», разоблачать и судить укрывателей хлеба, «воров и расхитителей», выявить укрываемый хлеб и обеспечить сдачу его государству³⁴.

Для организации хлебозаготовок, их ускорения в колхозы направлялись уполномоченные районных, областных партийных и советских органов, группы работников ЦК ВКП(б), Министерства сельского хозяйства, Министерства заготовок. В крупные зерновые районы страны выезжали члены ЦК ВКП(б), Политбюро. В Казахскую ССР был направлен А. И. Микоян, в Алтайский край — Г. М. Маленков, в Курганскую область — Л. М. Каганович, в Краснодарский край — Л. П. Берия, Л. З. Мехлис. На Украине заготовками занимались Хрущев, Каганович, Н. С. Патоличев. Почти все они имели «опыт» проведения хлебозаготовок в 1932/33 г. и широко использовали его³⁵.

Руководители колхозов, совхозов, колхозники понимали сложность положения в стране и делали максимально возможное для мобилизации продовольствия. Уполномоченные различных уровней, направлявшиеся для проведения хлебозаготовок, нередко не учитывали то положение, в котором оказывались

колхозы, колхозники после выполнения плана. Главное — выполнить план, выполнить указания «сверху». «Мы станем на путь любых жертв, а хлеб возьмем», — говорил на пленуме Смоленского обкома секретарь обкома Попов в октябре 1946 г.³⁶ Конечно, эти жертвы меньше всего касались секретаря обкома и других уполномоченных, выявлявших «излишки». Они проводили тщательную проверку имеющегося зерна: нередко перевешивали семенной фонд, проводили очистку отходов; все выявленное сдавалось. Для выполнения плана «любой ценой» нередко в хлебозаготовки сдавался и семенной фонд. Такие факты были в Московской, Тамбовской, Калининской и других областях³⁷. По существу применялись чрезвычайные методы заготовок. В этих условиях о выделении сколько-нибудь значительной части урожая для распределения по трудодням между колхозниками в большинстве областей не могло быть и речи. Попытка местных партийных и советских работников, председателей колхозов оставить часть зерна для нужд колхоза, выдать колхозникам на трудодни до выполнения плана нередко рассматривалась как саботаж хлебозаготовок, «антигосударственная деятельность», виновные привлекались к строгой ответственности. Немало партийных и советских работников районов, председателей колхозов в это время получили партийные взыскания, были сняты с занимаемых постов, отданы под суд. В Смоленской области за время хлебозаготовок осуждено 420 председателей колхозов, в Сталинградской — 155³⁸.

Председатель колхоза «Победа» Новококольнического района Великолукской области Железков, член ВКП(б), участник Великой Отечественной войны, участник Парада Победы в Москве, имеющий 5 правительственных наград, был осужден на 6 месяцев за выдачу на трудодни колхозникам 280 кг зерна. Председатель колхоза «Красная борьба» той же области привлечен к суду за то, что разрешил колхозникам взять 300 необмолоченных снопов в счет оплаты трудодней³⁹. Причем в обоих колхозах план заготовок был выполнен. Таких фактов было много и в других областях. Усиленным был нажим заготовителей на кулацко-зажиточную часть крестьянских хозяйств Правобережной Молдавии. При этом предполагалось, что заготовленный у них хлеб будет использован на месте. Критерии для выделения таких хозяйств были довольно неопределенными. Нередко обыски проводились и у середняков. Как сообщают исследователи, арестовывали без достаточных оснований, сажали в подвалы. ЦК КП(б) Молдавии в своем решении в 1947 г. признавал, что при проведении хлебозаготовок массовая политическая работа подменялась администрированием, допускались нарушения революционной законности⁴⁰.

Несмотря на все меры, планы заготовок хлеба не выполнялись. Правда, некоторые республики и области, не пострадавшие от засухи, свои первоначальные планы заготовок выполнили в октябре—ноябре, но для того, чтобы сдать дополнительные задания, потребовалось время. Казахстан, например, к 1 ноября справился с установленным планом, но мобилизация ресурсов колхозов и совхозов для выполнения дополнительного задания затянулась до начала 1947 г.⁴¹

По данным Министерства заготовок СССР, на 1 декабря 1946 г. годовой план хлебозаготовок по СССР был выполнен на 76, 9%, в том числе колхозы к этому времени выполнили план на 76, 6%, а совхозы — на 90, 6%⁴². К началу 1947 г. полностью выполнили свои планы заготовки хлеба республики Закавказья, Средней Азии. Здесь была организована закупка хлеба сверх плана по ценам, вдвое превышающим заготовительные. Хозяйствам, сдавшим зерно сверх плана, продавались промышленные товары. В порядке закупок колхозы Армении к декабрю 1946 г. продали 293 тыс. пуд. зерновых, Грузии — 230 тыс., Азербайджана — 105 тыс., Джамбульской области — 89 тыс.⁴³

Выполнили планы хлебозаготовок колхозы и совхозы Белоруссии, республик Прибалтики, Алтайского края, многих областей Нечерноземья. Молдавия, особенно сильно пострадавшая от засухи, перевыполнила уменьшенный план,

сдала 3670 тыс. пуд. хлеба, Украина — 224 млн. пуд. (план выполнен на 67%). Говоря о выполнении плана хлебозаготовок рядом областей и республик, нельзя забывать о том, что во многих колхозах этих областей, в том числе пострадавших от засухи, нередко весь хлеб «под метелку» сдавался государству. Бесчеловечным, трудно объяснимым являлось требование сдавать миллионы пудов хлеба в Молдавии, на Украине, где в ряде районов уже во время заготовок наблюдался голод. Нелегким было положение и в некоторых областях Нечерноземья, Белоруссии, выполнивших план. Смоленская область, например, выполнила план хлебозаготовок на 98, 8%, а в 600 колхозах на трудодни хлеб не распределялся; в Калининской области при выполнении плана заготовок на 104, 7% в 363 колхозах зерно по трудодням не выдавалось; в 1582 колхозах Белоруссии ($\frac{1}{3}$ общего числа), выполнившей план хлебозаготовок, хлеб по трудодням не распределялся⁴⁴. Печать того времени широко публиковала рапорты отдельных областей, районов, колхозов о выполнении социалистических обязательств, планов хлебозаготовок. Однако какой ценой достигались эти рапорты, что оставалось колхозникам после выполнения плана, печать не сообщала.

В целом по стране план хлебозаготовок на начало 1947 г. был выполнен на 78, 8%⁴⁵. По всем категориям хозяйств было заготовлено 17, 5 млн. т, или 1065 млн. пуд. (в 1945 г. — 20 млн. т, в 1940 г. — 36, 4 млн. т)⁴⁶. Основной вклад в продовольственный фонд страны, как и в годы войны, внесли колхозы. Они сдали 835, 8 млн. пуд., по 12, 3 пуд. (192 кг) с каждого гектара⁴⁷. Особенно весомым в государственные закрома был вклад восточных областей СССР: 140, 6 млн. пуд. зерна сдали колхозы и совхозы Западной Сибири (в том числе: Алтайский край — 55, 7 млн. пуд. и 80, 4 млн. пуд. — Казахстан). Много сдали хлеба колхозы и совхозы областей юга страны, которые были меньше подвержены засухе. 63, 3 млн. пуд. хлеба сдал Краснодарский край, 41, 6 млн. Ростовская область⁴⁸.

С большими трудностями проходила заготовка и картофеля. Засуха сказалась и на этой культуре. Местные партийные, советские организации, заготовительные органы много делали для того, чтобы выполнить план, создать на зиму запасы картофеля в таких размерах, чтобы они в какой-то мере могли восполнить недостаток хлеба. Трудность заключалась в том, что большая часть картофеля и овощей производилась в личных подсобных хозяйствах колхозников и работников совхозов, и здесь проводить заготовку такими же методами, как и хлеб, было невозможно. К тому же заготовительные цены на картофель и овощи были очень низкие, по существу символические. Заготовка картофеля и овощей, особенно в областях, охваченных засухой, проходила медленно. На 15 ноября 1946 г. план сдачи картофеля по Винницкой области был выполнен на 48, 8%, по Запорожской — на 24, 8%. Еще меньше были показатели по личным подсобным хозяйствам. В Сумской области на эту дату было заготовлено около $\frac{1}{3}$ плана, по Полтавской — $\frac{1}{4}$ ⁴⁹. Да и по стране в целом, по данным Министерства заготовок СССР, было заготовлено на 10 ноября картофеля — 75, 6% плана, овощей — 66, 7%. Из 77 областей, краев и республик к этому времени выполнили план 5, близки к выполнению были 10. Наибольшее отставание в заготовках этих культур было в УССР, Рязанской, Горьковской областях, Башкирии⁵⁰. В целом во всех категориях хозяйств удалось заготовить 4, 6 млн. т картофеля (почти вдвое меньше, чем в 1940 г.) и 1, 5 млн. т овощей (в 1940 г. — 3 млн. т)⁵¹. И здесь основным поставщиком картофеля и овощей в продовольственный фонд страны были колхозы и личные подсобные хозяйства колхозников.

Сложно проходили и заготовки животноводческой продукции. Были сохранены высокие планы заготовок мяса, молока. Большая часть колхозов эти планы за прошлые годы не выполняла. Недоимки за 1945 г. включались в план 1946 г. Планы заготовок животноводческой продукции вместе с недоимками в некоторых областях иногда превышали выход этой продукции. Количество скота,

сдаваемого в заготовки, увеличивалось еще и потому, что значительная часть его имела недостаточную упитанность. Колхозы Ростовской области, например, в 1946 г. сдали 34, 3% крупного рогатого скота и 24, 8% овец ниже средней упитанности⁵². В районах, охваченных засухой, возрос падеж скота. При недостатке кормов колхозы стремились часть скота сдать в счет мясопоставок. С большими трудностями шло выполнение плана молокопоставок. К началу 1947 г. не выполнили план сдачи молока 37% колхозов. Да и по всем категориям хозяйств в 1946 г. план заготовки животноводческой продукции не был выполнен. Колхозы сдали мяса 90, 4% плана, хозяйства колхозников — 76, 2%⁵³. В целом по всем категориям хозяйств в 1946 г. было заготовлено скота и птицы 1, 4 млн. т (в 1940 г. — 2, 2 млн. т в весе живого скота), молока и молочных продуктов в пересчете на молоко 4, 9 млн. т (в 1940 г. — 6, 5 млн. т)⁵⁴.

Известный вклад в мобилизацию продовольственных ресурсов внесла потребительская кооперация. С ноября 1946 г. ей разрешалось закупать повсеместно зерно после выполнения областью, краем и республикой государственного плана заготовок и закупок, а продукты животноводства, овощи и фрукты, картофель — после выполнения в установленные сроки обязательств по госпоставкам. Закупка продукции разрешалась по ценам, складывающимся на рынке в местах закупки. От 20 до 25% заготовленной продукции потребкооперация должна была сдать Министерству торговли⁵⁵. Однако при высоких государственных планах заготовок и закупок сельскохозяйственной продукции ее излишки у колхозов и колхозников для продажи потребительской кооперации были ограничены. За ноябрь—декабрь 1946 г. потребкооперация закупила сельскохозяйственной продукции на 70 млн. руб.⁵⁶

Ценой величайших усилий, самоотверженного труда, лишений колхозного крестьянства, всех тружеников сельского хозяйства в 1946 г. удалось создать продовольственный фонд, позволяющий при экономном, разумном его распределении удовлетворить самые необходимые потребности страны. Однако нельзя забывать, что цена этой жертвенности, самоотверженности была страшно дорогой, а ее последствия сказываются и в наши дни.

Собранный продовольственный фонд был примерно вдвое меньше, чем в 1940 г.: вдвое меньше удалось заготовить хлеба, картофеля, овощей, меньше было закуплено и продуктов животноводства. А потребности страны, количество едоков мало отличалось от предвоенных лет. Этот фонд необходимо было сохранить и использовать с величайшей бережливостью и продуктивностью. Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) еще в конце июля 1946 г. приняли постановление «О мерах по обеспечению сохранности хлеба, недопущению его разбазаривания, хищения и порчи», в котором местные партийные и советские организации, заготовительные органы обязывались принимать решительные меры для сохранности хлеба⁵⁷. А 25 октября 1946 г. Совет Министров и ЦК ВКП(б) приняли новое постановление «Об обеспечении сохранности государственного хлеба». В постановлении указывалось, что в ряде областей много случаев хищения хлеба при перевозках в места хранения, допускается приемка хлеба, находящегося на складах совхозов и колхозов, на токах, под сохранные расписки. Сохранение и сбережение хлеба, подчеркивалось в постановлении, важнейшая государственная задача партийных и советских организаций. Первые секретари обкомов, крайкомов партии, ЦК Компартий союзных республик, председатели облисполкомов этим постановлением обязывались каждые десять дней сообщать в Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) о проделанной работе и состоянии хранения государственного Хлеба⁵⁸.

И при самом строгом сохранении и расходовании продовольствия его было мало. Не было надежды на помощь извне, импорт хлеба, хотя попытки закупить продовольствие в других странах были. В декабре 1946 г. был подписан договор между Всесоюзным объединением «Экспортхлеб» и китайской компанией «Тун-син», по которому фирма «Тунсин» продала СССР 1 млн т зерна и соевых бобов и 10 тыс. т мяса⁵⁹.

Недостаток продовольствия ощущался во всех странах Европы после разрушительной войны. Большими продовольственными ресурсами располагали США. Однако уже в августе 1945 г. США полностью прекратили поставки СССР по ленд-лизу. Страны Восточной Европы сами нуждались в продовольственной помощи. К тому же некоторые из них в 1945—1946 гг. были охвачены засухой. Советский Союз, несмотря на продовольственные трудности в стране, оказал большую помощь Болгарии, Румынии, Польше, Чехословакии. 13 декабря 1945 г. было подписано соглашение о поставках Болгарии 30 тыс. т кукурузы, 20 тыс. т пшеницы, а в первой половине 1946 г. Болгарии было поставлено еще 40 тыс. т зерна. В 1945 г. СССР поставил Румынии в порядке займа 300 тыс. т зерна, а в 1946 г. — еще 50 тыс. т и 32 и тыс. т картофеля⁶⁰. В феврале 1946 г. подписано советско-польское соглашение о поставке Польше 200 тыс. т зерна, в апреле того же года — новое соглашение о поставке 300 тыс. т, в октябре — еще одно соглашение о поставке 100 тыс. т. Всего в 1946—1947 гг. СССР поставил Польше 900 тыс. т зерна⁶¹. В 1947 г. Чехословакии было направлено 600 тыс. т зерна. «Советский Союз спас нас от голода», — так оценивал эту помощь президент Чехословакии К. Готвальд⁶². Но продовольственная помощь СССР в тяжелые послевоенные годы не ограничивалась странами, становившимися на путь социалистического развития. 6 апреля 1946 г. министр внешней торговли СССР А. И. Микоян подписал соглашение о поставке Франции 500 тыс. т зерна в течение апреля—июня 1946 г. В сообщении о соглашении указывалось, что Советское правительство, «учитывая тяжелое продовольственное положение во Франции и просьбу Французского правительства, решило пойти навстречу Франции как своему союзнику...»⁶³. В целом экспорт зерновых из СССР в 1946 г. составил 1, 7 млн. т⁶⁴, или 10% всего заготовленного в том году. Это было немалое изъятие из скромного продовольственного фонда страны и могло бы быть существенной помощью населению районов, охваченных засухой, голодом. Такую «щедрость» за счет голодающего населения собственной страны сейчас трудно объяснить. Здесь были и политические причины — стремление укрепить международное влияние СССР, помочь упрочению новых режимов в Восточной Европе. Цена этой помощи оказалась слишком высокой и не может быть оправдана.

Общий зерновой фонд страны не ограничивался размерами заготовленного, находящегося в государственных складах и элеваторах. Как уже говорилось ранее, валовой сбор хлеба в 1946 г. составил 39, 6 млн. т, а заготовлено было 17, 5 млн. т. 22 млн. т оставалось в колхозах, совхозах в виде семенных и других обязательных фондов, или было выдано колхозникам по трудодням. Хотя эти выдачи и размеры семенных фондов были далеко не одинаковы. В среднем по стране в 1946 г. было распределено на один трудодень 0, 52 кг хлеба (а фактически выдано меньше), на Украине — 0, 27 кг; в Белоруссии — 0, 34 кг, а в Грузии — 2, 15 кг⁶⁵. Во многих колхозах, находившихся в областях, охваченных засухой, да и вне этой зоны, особенно в Белоруссии и Нечерноземье, -распределения хлеба по трудодням вообще не было или хлеб выдавался только в счет 15% от заготовленного. А поскольку заготовлено было мало, то мало оставалось и для распределения. Выданного могло хватить на 2—3 месяца. Недоедание, голод стали реальной угрозой для этой части колхозников до нового урожая. Спасти от голода, обеспечить хотя бы самые минимальные потребности населения в продовольствии можно было при самом экономном, строгом распределении хлебного фонда. Пришлось сохранить карточную систему распределения хлеба, отказаться от перехода к свободной торговле им в 1946 г., как намечалось в пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР⁶⁶. Но нормы снабжения по карточкам разных категорий городского населения в течение 1946 г. и до нового урожая 1947 г. несколько раз менялись в сторону их сокращения. Эти нормы для разных категорий работающих и иждивенцев по месяцам были различны: от 1, 2 до 0, 4 кг хлеба в день до 250—150 г (для иждивенцев)⁶⁷. Без дополнений другими

продуктами такие нормы, особенно на работах, требующих большого физического напряжения, были явно недостаточны. Рабочие жаловались на упадок сил. Были случаи, как вспоминают современники, когда от недоедания падали в обморок прямо у станка⁶⁸. К концу третьего квартала 1946 г. на централизованном снабжении хлебом состояло 87, 8 млн. человек вместо 77, 1 млн. на январь 1945 г.⁶⁹⁻⁷⁰ Видя на урожай и ход хлебозаготовок к осени 1946 г. показывали, что обеспечить централизованное снабжение хлебом до нового урожая такой контингент будет невозможно. С 1 октября 1946 г. с пайкового снабжения хлебом было снято почти все сельское население: рабочие совхозов, МТС, сельские работники культпросветучреждений (колхозники, как известно, и раньше не получали карточек на хлеб), более 2 млн. иждивенцев и детей железнодорожников, проживавших в сельской местности. Численность сельских жителей, снабжавшихся хлебом, сократилась с 27 до 4 млн. Одновременно были сняты с пайкового снабжения хлебом 3, 5 млн. взрослых иждивенцев в городах и рабочих поселках⁷¹. Контингент снабжавшихся хлебом заметно сократился: в Молдавии — на 110 тыс., в Грузии — на 544 тыс. человек, в Калининской области — на 15 тыс., Тульской — на 203 тыс.⁷² До конца года это сокращение продолжалось. Численность снабжавшихся хлебом утверждалась ежемесячно Советом Министров СССР. В связи с бедственным положением с продовольствием населения областей, пострадавших от засухи, здесь в конце 1946 г. число лиц, снабжавшихся хлебом, было увеличено на 2 млн. человек⁷³. В начале 1947 г. по городским нормам хлебом снабжалось 54 340, 3 тыс. человек, по сельским нормам — 4482, 47 тыс. (в том числе члены семей железнодорожников, проживавших в сельской местности). Всего на 1 февраля 1947 г. на централизованном снабжении хлебом было 58 822, 77 тыс. человек⁷⁴. Здесь уместно сравнить: в декабре 1945 г. численность населения, находившегося на централизованном снабжении хлебом, составляла 80, 5 млн. человек, из них сельского населения — 26, 8 млн.⁷⁵ Таким образом, зимой 1946/47 г. хлебом снабжалось на $\frac{1}{4}$ населения меньше, чем в конце войны, а сельского населения — в 4 раза. Это означало, что часть городского и почти все сельское население зимой 1946/47 г. до нового урожая должны были сами находить источники приобретения хлеба: покупать на рынке или по коммерческой цене.

Особенно тяжелыми были последствия засухи для сельского населения, крестьянства. Все городское население — рабочие, служащие и их иждивенцы получали по карточкам небольшие нормы хлеба. К этому нужно добавить то, что горожанам удавалось дополнительно приобрести в системе общественного питания своего предприятия или на рынке. В целом городское население было минимально обеспечено самым необходимым продовольствием. Другое дело — деревня, колхозники. Ни один из названных для горожан источников продовольствия колхознику не был доступен. На трудодни во многих колхозах хлеб не выдавался. Не оправдалась надежда на личное подсобное хозяйство. Дыхание засухи не обошло стороной и огороды, небольшие посевы подсобного хозяйства колхозника. К тому же это хозяйство облагалось большими поставками животноводческой продукции.

Сельским жителям, колхозникам областей, охваченных засухой, была оказана продовольственная помощь, но она была недостаточной, а нередко и опаздывала. 19 августа 1946 г. Совет Министров СССР принял постановление «О мерах помощи колхозам, крестьянским хозяйствам и совхозам Молдавской ССР в связи с неурожаем 1946 г.»⁷⁶ В соответствии с постановлением республике было отпущено 1500 тыс. пуд. продовольственной ссуды. Но этого явно не хватало для ликвидации голода. К тому же распределение продовольствия не было организовано должным образом. Часть ссуды сдавалась в счет заготовок. Из деревень Молдавии поступали письма, свидетельствующие об ужасном положении, в котором оказалось население к концу 1946 г. В письме из села Рошу сообщалось: «В этом году у нас страшный голод, хлеба купить негде... Весь народ в деревне ест сено и дохлую скотину и многие от этого болеют»⁷⁷.

Руководство республики во главе с первым секретарем ЦК КП(б) Молдавии Н. Г. Ковалем, располагая достаточными материалами о бедственном положении в деревне, не считало борьбу с голодом, спасение населения своей главной задачей. Комиссии, созданные в уездах, районах и сельских советах для оказания помощи населению, не располагали для этого необходимыми средствами. В феврале 1947 г. в Молдавию был направлен заместитель Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгин с группой ответственных работников для изучения действительного положения с продовольствием в республике и принятия необходимых мер по организации помощи населению. Продовольственная помощь республике была увеличена. С января до лета 1947 г. республика стала получать ежемесячно более 5 тыс. т продовольственной ссуды⁷⁸. С начала 1947 г. и до 1 июня в Молдавию было поставлено 28 595 т продовольствия⁷⁹. Значительная продовольственная помощь была оказана и Украине. В течение весны 1947 г. (на 1 июня) колхозам республики было отпущено 45 870 т хлеба и 29 280 т фуража. За то же время в Сталинградскую область было направлено около 8 тыс. т зерна, Ставропольскому краю — 4, 2 тыс. т⁸⁰.

Большую продовольственную и семенную ссуду получили области Черноземной зоны. Курской области в августе 1946 г. было отпущено 4029 тыс. пуд. ржи, Орловской области — 1, 5 млн. пуд. продовольственного зерна и 3, 5 млн. пуд. семенной ссуды⁸¹.

Продовольственная помощь в разных областях распределялась не одинаково. В Курской области, например, это делалось на собраниях колхозников, при этом учитывалось их трудовое участие, количество выработанных трудодней. Но эта помощь не всегда доходила по назначению. Было немало случаев, когда партийные, советские работники районов зачисляли это зерно в выполнение плана хлебозаготовок. В Тамаровском районе Воронежской области, например, из продовольственной ссуды, выделенной району, в счет хлебозаготовок было направлено 3820 ц хлеба, в Фатежском — 3660 ц. Подобные факты были и в других районах. В центральные, областные и районные партийные и советские органы поступало много жалоб от населения на неправильное распределение продовольствия. По Курской области, например, поступило более 10 тыс. жалоб, из которых после проверки 4 тыс. были признаны обоснованными⁸².

Часть продовольствия, выделенного для областей, пострадавших от засухи, шла для питательных пунктов. Для спасения населения от голода такие пункты создавались в деревнях Молдавии, Украины, Поволжья. В Молдавии, например, с января 1947 г. действовало более 680 таких пунктов, а в марте — уже более тысячи. Здесь питание получали до 200 тыс. человек, в том числе значительная часть детей⁸³. Для детей создавались оздоровительные площадки с улучшенным питанием со сроком пребывания 30 дней. Зимой 1946/47 учебного года такие площадки были созданы в ряде городов страны, но они охватывали незначительную часть нуждающихся⁸⁴. На Украине на время весенних полевых работ 1947 г. было организовано общественное питание для 3, 4 млн. человек, занятым на севе выдавалось 300—400 г хлеба на день⁸⁵.

Питательные пункты, детские площадки помогли продержаться в тяжелое время тысячам жителей областей, охваченных засухой. Но спасти всех от голода и связанных с ним болезней не удалось. Руководство страной, лично Сталин не сделали всего необходимого для спасения населения. Зимой 1946/47 г. из многих областей шли сведения об увеличении числа больных дистрофией («голодная, болезнь», «болезнь голодания», как ее называли медики), о все обостряющемся голоде⁸⁶. В феврале—марте 1947 г. в Молдавии на учете находилось более 240 тыс. больных дистрофией. Всего дистрофией, по данным Минздрава республики, переболело 389 тыс. человек⁸⁷. Было госпитализировано 116 тыс. человек, а с начала 1947 г. были развернуты дополнительно к существующей сети 5 тыс. временных коек для госпитализации дистрофиков, кроме того, для 5 тыс. больных была организована амбулаторная

медицинская помощь и питание в лечебных учреждениях⁸⁸. Но многих, особенно в деревне, спасти не удалось. Тяжелейшее положение сложилось зимой 1946/47 г. в деревне Молдавии. Резко увеличился приток больных в лечебные учреждения, а смертность в них за 1947 г. возросла вдвое. В январе—феврале 1947 г. ежедневно от голода и дистрофии умирало 300—400 человек. В сельских больничных учреждениях в этом году от разных заболеваний умерло 4342 человека⁸⁹. Всего же, по подсчетам Б. Г. Бомешко, от дистрофии и болезней, с ней связанных, в республике умерло 70—80 тыс. человек⁹⁰.

Голод наблюдался и в ряде областей Украины. Публицист А. Аджубей вспоминает рассказ Н. С. Хрущева, в то время секретаря ЦК КП(б)У, о бедственном положении на Украине, о возросшей смертности населения от голода, опустошавшего целые села. Об этом же, ссылаясь на мемуары Н. С. Хрущева, собственные воспоминания, рассказывает А. Стреляный⁹¹. Эти воспоминания находят известное подтверждение в архивных материалах. В докладе-отчете кафедры организации здравоохранения Одесского медицинского института и научно-исследовательского бюро санитарной статистики при Одесском облздравотделе за 1946 г. указывалось, что со второй половины года наблюдалось значительное увеличение смертности среди населения⁹². В Крымской области в начале 1947 г., особенно в сельской местности, число пораженных «голодной болезнью» резко возросло, пришлось увеличить число мест в больничных учреждениях: в феврале — на 1 тыс., в марте — на 1500⁹³. Поступающие в лечебные учреждения минимально обеспечивались необходимым питанием. Но ввиду большой ослабленности, истощенности многих спасти не удавалось. В лечебных учреждениях республики за 1947 г. смертность увеличилась в 1, 6 раза⁹⁴. Возросла детская смертность. В Измаильской области в 1947 г. на каждую тысячу детей до 1 года умерло — 319, в Черновицкой — 211, Запорожской — 177. В целом же по Украине за 1947 г. смертность населения увеличилась в 1, 7 раза: в 1947 г. умерло 628 тыс. человек, в 1946 г. — 369 тыс.⁹⁵ Основная причина такого увеличения — голод, дистрофия и связанные с ними болезни. Голод, недоедание и связанные с ними болезни с разной степенью остроты отмечались и в ряде областей РСФСР. В Ульяновской области с февраля 1947 г. увеличились случаи дистрофии среди населения. На 1 марта было зарегистрировано 8213 таких случаев, из них средней тяжести — 7097, тяжелой формы — 1160⁹⁶. Тяжелыми были последствия засухи и в некоторых областях Восточной Сибири и Дальнего Востока. В Бурят-Монгольской АССР в начале марта 1947 г. насчитывалось 35533 больных дистрофией⁹⁷.

Страшные последствия засухи сказывались не только в регионе, охваченном этим стихийным бедствием. В тяжелом положении оказалось сельское население, колхозники некоторых областей Нечерноземья. Эти области как не пораженные засухой не получали продовольственной помощи. Депутат Скопинского сельского Совета Нагорского района Кировской области в письме в Совет Министров СССР в сентябре 1946 г. писал: «Более 70% хозяйств из 5 колхозов питаются суррогатом хлеба — часть муки, более 60% примесей клевера, травы кислянки и льняной мякоти. Этим же кормят и детей»⁹⁸.

К весне 1947 г., когда иссякли все скромные запасы, в некоторых областях Нечерноземья, как только стаял снег, многие колхозники стали собирать оставшийся с прошлого года неубранный, перемороженный картофель, пекли из него лепешки, «тошнотики», как их тогда называли. Уже само название дает представление о качестве этого продукта. Собирали колосья на освободившихся от снега полях, не убранных вовремя. Но употребление в пищу этих зерен вызывало тяжелые заболевания, нередко со смертельным исходом⁹⁹.

Зимой и весной 1947 г. было особенно много заболеваний дистрофией, выросла смертность населения во многих областях Нечерноземья. В марте 1947 г. председатель Костромского облисполкома в письме к А. Н. Косыгину сообщал, что на 20 марта в области насчитывается 10 тыс. больных дистрофией. В Палкинском районе 190 человек подлежат немедленной госпитализа-

ции, 76 случаев смерти от истощения. В Макарьевском районе таких случаев 38¹⁰⁰. Многочисленные факты дистрофии среди сельского населения, колхозников отмечались в Архангельской, Новгородской, Великолукской, Вологодской областях¹⁰¹. «И после войны, в 1946 г., люди у нас на Севере умирали от голода, от болезней, связанных с недоеданием», — вспоминал в беседе с корреспондентом «Правды» писатель В. Белов¹⁰².

Тяжелое продовольственное положение во многих деревнях в 1946—1947 гг. послужило толчком для более активной миграции колхозников, рабочих совхозов в город, на работу в промышленность, строительство. Сельские жители, и прежде всего колхозники, в условиях стихийного бедствия убедились в своей полной социальной незащищенности. Экономически слабый и даже средний колхоз не мог помочь колхознику в экстремальной ситуации, обеспечить самый необходимый продовольственный прожиточный минимум, как это делало государство для рабочих, служащих, городского населения. Как только в октябре 1946 г. были сняты с государственного обеспечения хлебом некоторые категории рабочих, занятых в сельском хозяйстве, резко вырос их переход в города, где потребность в рабочей силе в первые послевоенные годы была особенно велика.

В 1946 г. из совхозов Казахстана выбыло более 18 тыс. рабочих¹⁰³. Только за 10 дней октября 1946 г. сразу после снятия с обеспечения хлебом по карточкам ушло с работы из совхозов, МТС, сельских предприятий местной промышленности Удмуртии 1987 человек. О многочисленных фактах ухода этой категории работников в города осенью 1946 г. сообщалось из Владимирской, Горьковской, Киевской областей, Краснодарского края¹⁰⁴.

Усилился и отток колхозников из деревни. Правда, отсутствие у них паспортов ограничивало возможности для стихийной миграции. Однако разными путями удавалось обходить различные запреты, препятствия и переходить на работу в города. Большую тревогу вызывал уход из деревни демобилизовавшихся участников Великой Отечественной войны, на которых как на силу, способную помочь в возрождении колхозов, возлагались большие надежды.

Много людей выбыло в 1946—1947 гг. из колхозов Украины, Молдавии. Численность наличного колхозного населения Украины (без западных областей, вместе с нетрудоспособными) за 1946 г. уменьшилась на 172 тыс. человек, несмотря на возвращение из армии за это время тысяч демобилизованных¹⁰⁵. Многочисленные факты выезда колхозников в республики Прибалтики, Западной Белоруссии отмечались в некоторых областях Белоруссии, РСФСР (Великолукская, Псковская, Новгородская области)¹⁰⁶. Конечно, широкий наплыв колхозников в новые области, вошедшие в состав СССР накануне войны, затруднял здесь работу по укреплению Советской власти, создавал условия для антиколхозной агитации. Этот фактор почему-то не был учтен должным образом при поспешном переходе к массовой коллективизации в западных областях, осуществлявшейся через 1, 5—2 года после продовольственных трудностей и голода.

Расходуя продовольственный фонд для продовольственных потребностей, нужно было думать и о будущем, иметь запасы для осеннего сева 1946 г. и весеннего 1947 г. Учитывая, что во время хлебозаготовок у многих колхозов и совхозов забирались и семена, потребность в семенных ссудах была большая. В них нуждались практически почти все республики и области.

В первую очередь семенная ссуда была выделена районам, пострадавшим от засухи. Здесь и сев начинался раньше. Молдавии была выделена семенная ссуда зерновых культур в объеме 40 тыс. т, Украине — 371 тыс. т, Саратовской области — 81, 3 тыс. т, Воронежской — 97, 4 тыс. Значительные ссуды были выделены и областям, находившимся вне зоны засухи. Всего же по всем республикам и областям на весенний сев 1947 г. было отпущено 2558 тыс. т яровых зерновых культур (примерно 15% всего заготовленного)¹⁰⁷. Весенний сев 1947 г. был проведен за счет семян, полученных из государственных

запасов и оставшихся в колхозах от урожая прошлого года. Это позволило не допустить сокращения посевных площадей. В 1947 г. было посеяно яровых культур на 6 млн. га больше, чем в 1946 г. Здесь уместно напомнить, что после засухи 1921 г. площадь под зерновыми культурами сократилась на 13 млн. га, на Украине посевные площади уменьшились на 2, 7 млн. га¹⁰⁸.

Засуха нанесла большой ущерб животноводству. Многие делали для того, чтобы не допустить гибели скота. Колхозам областей ЦЧО были выделены покосы в БССР, Псковской, Смоленской и других областях. В Молдавию зимой 1946/47 г. из разных областей поступило 2440 тыс. пуд. комбикормов и сена, значительную ссуду фуража получили колхозы Украины. Но падежа скота избежать не удалось. Немало скота забивалось для потребления. В 1946 г. во всех колхозах страны пало 1244 тыс. голов крупного рогатого скота и было забито 1214 тыс. голов. В областях, пострадавших от засухи, сократилось поголовье скота и в личных подсобных хозяйствах. В Молдавии к началу 1947 г. 69% крестьянских хозяйств не имели коров, 74% — овец и коз, 43% не имели никакого скота¹⁰⁹.

По всем категориям хозяйств на 1946 г. по районам, охваченным засухой, численность крупного рогатого скота сократилась на 1, 5 млн. голов, свиней — на 2 млн., овец и коз — на 2, 9 млн. Сокращение продолжалось и в первой половине 1947 г. В то же время в других областях было достигнуто заметное увеличение поголовья, а в целом по стране к концу 1947 г. численность скота во всех категориях хозяйств была выше, чем в 1945 г., перед засухой¹¹⁰.

Последствия засухи продолжали сказываться и в последующие годы. Засуха замедлила процесс преодоления последствий войны в сельском хозяйстве, способствовала оттоку населения из деревни.

Продовольственные трудности, многочисленные заболевания, связанные с недоеданием, сказывались и на общем морально-политическом настрое деревни, особенно областей, пострадавших от засухи. Большие надежды в народе возлагались на первый послевоенный год. Ожидалась отмена карточной системы на продовольствие, общее улучшение положения населения. Но ожидания не оправдались. Колхозное крестьянство понимало трудности, связанные с засухой и последствиями войны. В то же время многие колхозники не соглашались с ретивыми администраторами, стремившимися любой ценой выполнить планы хлебозаготовок, не думая о завтрашнем дне, о будущем колхоза. Среди тех, кто активно отстаивал интересы колхозников, нередко были демобилизованные из Советской Армии, участники Великой Отечественной войны. Партийные, советские работники, пропагандисты сообщали о том, что колхозники стали чаще задавать «неудобные» вопросы, на которые нелегко отвечать. Действительно, трудно было ответить на вопросы: почему при большом недостатке продовольствия мы вывозим его в другие страны, в том числе и во Францию; почему население городов в меньшей мере несет бремя лишений, связанных с засухой. На пленумах обкомов, райкомов такие вопросы расценивались как проявление нездоровых настроений, результат недостаточной работы с колхозниками, в том числе и с участниками войны¹¹¹.

В связи с продовольственными трудностями и голодом увеличилось число хищений, краж колхозного, государственного и личного имущества граждан, разбойных нападений. Как и в 30-е гг. для преодоления этих негативных явлений руководство страной видело один путь — усиление наказаний, репрессий. В июне 1947 г. были приняты Указы Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан», предусматривающие строгое наказание — длительное заключение в исправительно-трудовые лагеря за кражу, присвоение, растрату общественного имущества и личного имущества граждан¹¹². Эти указы имели определенное значение для усиления охраны общественной собственности и личной собственности граждан, но они не затрагивали причин негативных явлений, получивших распространение в пер-

вый послевоенный год. А причины роста правонарушений и преступлений были связаны не только с засухой и послевоенными трудностями, но и с невниманием к человеку, пренебрежительным отношением к условиям жизни сельских жителей, крестьянства.

Продовольственные трудности в стране, голод в отдельных районах, тяжелое положение в сельском хозяйстве требовали обстоятельного рассмотрения вопросов аграрного сектора экономики, разработки эффективных мер по его подъему. Такие задачи стояли перед февральским 1947 г. Пленумом ЦК ВКП(б), обсудившим вопрос «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период»¹¹³. Пленум наметил некоторые меры по укреплению материально-технической базы сельского хозяйства, совершенствованию организации труда в колхозах. Решения Пленума способствовали восстановлению сельскохозяйственного производства, однако они сохраняли и закрепляли административно-командную систему управления сельским хозяйством, не вскрывая глубинных причин кризисного положения дел в этой отрасли экономики. Для ее подъема нужны были кардинальные перемены в аграрной политике партии и советского государства.

Примечания

¹ См.: История Молдавской ССР. Т. II. Кишинев, 1968; Очерки истории Коммунистической партии Молдавии. Изд. 3, перераб. Кишинев, 1981; Очерки истории Коммунистической партии Украины. Изд. 3, доп. Киев, 1972; История Украинской ССР: В 10 т. Т. 9, Киев, 1985 и др.

² В исследованиях историков о голоде в 1946—1947 гг. в южных областях страны впервые упоминается в 4-м томе «Истории советского крестьянства» («Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества. 1945 — конец 50-х годов». М., 1988. С. 183.

³ Бомешко Б. Голод//Советская Молдавия, 1989. 15 апреля; его же. Засуха и голод в Молдавии в 1946—1947 гг. Кишинев, 1990; Маковийчук И. Т., Пилявец Ю. Г. Голод на Украине в 1946—1947 гг. Украинский исторический журнал. 1990, № 8; Перковский И. Л., Пирожков С. И. Демографические потери народонаселения Украинской ССР в 40-х годах//Там же. № 2.

⁴ Хрущев Н. С. Партийные организации Украины в борьбе за новый подъем сельского хозяйства. М., 1948; его же. Отчетный доклад ЦК КП(б)У XVI съезду Коммунистической партии (большевиков) Украины. Киев, 1949; Коваль Н. Г. Отчет Центрального Комитета КП(б) Молдавии на II съезде КП(б) Молдавии. Кишинев, 1949 и др.

⁵ ЦГАОР СССР, ф. 8009, оп. 6, д. 1996, л. 147, 126, 225.

⁶ Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. Изд. 2, доп. М., 1970. С. 329.

⁷ Правда. 1947. 21 января; Вербин А. А. Засуха и борьба с ней в степи Украины. Одесса, 1948. С. 9.

⁸ Крылов А. Травопольная система земледелия и борьба с засухой. О работе Института земледелия Центрально-Черноземной зоны//Социалистическое сельское хозяйство. 1947. № 1. С. 45.

⁹ Вербин А. А. Указ. соч. С. 42—43.

¹⁰ Вопросы истории. 1966. № 1. С. 23.

¹¹ ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 46, д. 226, л. 195.

¹² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 8, л. 3; ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 1, д. 3920, л. 78, 147.

¹³ ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 1, д. 3918, л. 39; Социалистическое земледелие. 1947. 11 марта.

¹⁴ Советская деревня в первые послевоенные годы. М., 1978. С. 205.

¹⁵ Дубковецкий Ф. На путях к коммунизму. М., 1951. С. 87.

¹⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 8, д. 697, л. 1.

¹⁷ Советская деревня в первые послевоенные годы. С. 206; ЦГАНХ СССР, ф. 4372 оп. 47 д. 554, л. 65; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 8, д. 1800, л. 21.

¹⁸ ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 1, д. 4373, л. 29.

¹⁹ История Украинской ССР. Т. II. Киев, 1969. С. 590; ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 1, д. 3920, л. 130; ф. 4372, оп. 47, д. 55, л. 205; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 46, д. 1633, л. 65.

²⁰ Бенедиктов И. А. Задачи подъема сельского хозяйства в послевоенный период. М., 1947. С. 5.

²¹ Вопросы истории. 1966. № 1, С. 24.

²² Сельское хозяйство СССР: Стат. сб. М., 1971. С. 24, 26.

²³ См. об этом: Волков И. М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. М., 1972.

²⁴ Советская Молдавия, 1989. 15 апреля.

²⁵ ЦГАНХ СССР, ф. 8040, оп. 1, д. 1287, л. 16, 19—26; д. 1284, л. 1 — 116.

²⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 46, д. 1075, л. 195; д. 1271, л. 176; д. 2001, л. 64; Советская Молдавия, 1989. 15 апреля.

- ²⁷ Литературная газета, 1989. 14 июля.
- ²⁸ ЦПА НМЛ, ф. 17, оп. 46, д. 930, л. 193, оп. 5, д. 599, л. 8; ЦГАНХ СССР, ф. 8040, оп. 1, д. 1287, л. 193—195.
- ²⁹ Вопросы истории. 1966. № 1. С. 25.
- ³⁰ ЦГАНХ СССР, ф. 8040, оп. 1, д. 1287, л. 159.
- ³¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 46, д. 2001, л. 66.
- ³² Там же, д. 2010, л. 14, 53, 57, 124, 129, 134—141, 285—286.
- ³³ Там же, д. 1583, л. 265, 266.
- ³⁴ ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 1, д. 4079, л. 7.
- ³⁵ Там же, ф. 8040, оп. 1, д. 1228, л. 11; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 5, д. 1144, л. 34; Перковский А. Л., Пирожков С. И. Указ соч. С. 19—20.
- ³⁶ ЦПА НМЛ, ф. 17, оп. 46, д. 1583, л. 346.
- ³⁷ Там же, оп. 8, д. 691, л. 208.
- ³⁸ Там же, оп. 5, д. 1707, л. 289; д. 1663, л. 27.
- ³⁹ Там же, д. 356, лл. 135, 136.
- ⁴⁰ Советская Молдавия. 1989. 15 апреля.
- ⁴¹ ЦПА НМЛ, ф. 17, оп. 5, д. 599, л. 6.
- ⁴² ЦГАНХ СССР, ф. 8040, оп. 3, д. 1501, л. 1.
- ⁴³ Социалистическое земледелие. 1946, 1 декабря.
- ⁴⁴ Советская деревня в первые послевоенные годы. С. 274; ЦГАНХ СССР, ф. 8040, оп. 3, д. 1857, л. 1—3; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 5, д. 155, л. 119, 165.
- ⁴⁵ ЦГАНХ СССР, ф. 8040, оп. 3, д. 1713, л. 148.
- ⁴⁶ Сельское хозяйство СССР: Стат. сб. М., 1971. С. 152.
- ⁴⁷ Советская деревня в первые послевоенные годы. С. 273; ЦГАНХ СССР, ф. 8040, оп. 3, д. 2029, л. 59.
- ⁴⁸ ЦГАНХ СССР, ф. 8040, оп. 3, д. 1857, л. 2, 3.
- ⁴⁹ ЦПА НМЛ, ф. 17, оп. 46, д. 2010, л. 53.
- ⁵⁰ ЦГАНХ СССР, ф. 8040, оп. 1, д. 1307, л. 68.
- ⁵¹ Сельское хозяйство СССР: Стат. сб. С. 28.
- ⁵² Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1958. Т. III. С. 217.
- ⁵³ ЦГАНХ СССР, ф. 8040, оп. 3, д. 2384, л. 140.
- ⁵⁴ Сельское хозяйство СССР: Стат. сб. С. 28.
- ⁵⁵ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам, т. 3, М., 1968. С. 350—352.
- ⁵⁶ Любимов А. В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1968. С. 206.
- ⁵⁷ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. М., 1958. С. 83—86.
- ⁵⁸ Там же. С. 105—108.
- ⁵⁹ История международных отношений и внешней политики СССР. Т. 3. 1945—1963. М., 1964. С. 69—70.
- ⁶⁰ История внешней политики СССР. Ч. II. 1945—1970 гг. М., 1971. С. 58—59; Нежинский Л. У истоков социалистического сотрудничества. М., 1987. С. 170—172.
- ⁶¹ Парсаданова В. С. Помощь Советского Союза в восстановлении польской экономики (1946—1949 гг.) // История СССР, 1988. № 4, С. 70—71.
- ⁶² См.: История Чехословакии. М., 1960. Т. 3. С. 470, 475.
- ⁶³ Внешняя политика Советского Союза. 1946 год: Документы и материалы. М., 1952. С. 117.
- ⁶⁴ Внешняя торговля СССР (1918—1966 гг.): Стат. сб. М., 1967. С. 88—89.
- ⁶⁵ Волков И. М. Указ. соч. С. 258.
- ⁶⁶ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. С. 288.
- ⁶⁷ ЦГАНХ СССР, ф. 7971, оп. 1, д. 1439, л. 82.
- ⁶⁸ Там же, д. 1404, л. 114; Литературная газета. 1990. 6 июня.
- ⁶⁹⁻⁷⁰ Любимов А. В. Указ. соч. С. 202.
- ⁷¹ Аксенов Ю., Улюкаев О. О простых решениях непростых проблем // Коммунист, 1990, № 6. С. 83.
- ⁷² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 88, д. 733, л. 49; д. 740, л. 18; д. 781, л. 38.
- ⁷³ ЦГАНХ СССР, ф. 1562, оп. 327, д. 259, л. 18.
- ⁷⁴ Любимов А. В. Указ. соч. С. 204.
- ⁷⁵ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945 гг. Т. 6. М., 1965. С. 76.
- ⁷⁶ Советская Молдавия. 1946. 3 сентября.
- ⁷⁷ Там же. 1989. 15 апреля.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ ЦГАНХ СССР, ф. 8040, оп. 3, д. 1825, л. 5.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 46, д. 1075, л. 87, 97, 147.
- ⁸² Там же. оп. 88, д. 691, л. 1—2.
- ⁸³ Бомешко Б. Г. Указ. соч. С. 31, 46; Сельское хозяйство и крестьянство Советской Молдавии (1931—1965 гг.). Кишинев, 1970. С. 67.
- ⁸⁴ ЦГАНХ СССР, ф. 7991, оп. 1, д. 1403, л. 3; д. 1322, л. ПО.

- ⁸⁵Маковийчук И. М, Пилявец Ю. Г. Указ. соч. С. 28; Перковский А. Л., Пирожков С. И. Указ. соч. С. 22.
- ⁸⁶ См.: Свечников В. А. Болезнь голодания (алиментарная дистрофия). М., 1947.
- ⁸⁷ Бомешко Б. Г. Указ. соч. С. 42.
- ⁸⁸ ЦГАНХ СССР, ф. 7971, оп. 1, д. 1396, л. 175, 178.
- ⁸⁹ ЦГАОР СССР, ф. 8009, оп. 6, д. 2055, л. 3; д. 2023, л. 4; д. 2040, л. 2—3; Советская Молдавия. 1989. 15 апреля.
- ⁹⁰ Бомешко Б. Г. Указ. соч. С. 43.
- ⁹¹ Аджубей А. Те десять лет // Знамя. 1988. № 6. С. 88; Стреляный А. Последний романтик//Дружба народов, 1988. № 11, с. 227; Радянська Україна, 1988. 6 жовтня.
- ⁹² ЦГАОР СССР, ф. 8009, оп. 6, д. 2009, л. 4.
- ⁹³ ЦГАНХ СССР, ф. 7971, оп. 1, д. 1399, л. 31.
- ⁹⁴ ЦГАОР СССР, ф. 8009, оп. 6, д. 2055, л. 100; д. 2040, л. 74—75.
- ⁹⁵ Перковский А. Л., Пирожков С. И. Указ. соч. С. 19, 23.
- ⁹⁶ ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 47, д. 548, л. 187.
- ⁹⁷ Там же, ф. 7971, оп. 1, д. 1403, л. 11.
- ⁹⁸ Там же, ф. 8040, оп. 1, д. 1287, л. 241.
- ⁹⁹ ЦГАНХ СССР, ф. 7971, оп. 1, д. 1399, л. 34.
- ¹⁰⁰ Там же, ф. 4372, оп. 47, д. 548, л. 187.
- ¹⁰¹ Там же, л. 65; ф. 7971, оп. 1, д. 1403, л. 14.
- ¹⁰² Правда, 1988. 15 апреля.
- ¹⁰³ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 5, д. 600, л. 60.
- ¹⁰⁴ Там же, оп. 8, д. 691, л. 177.
- ¹⁰⁵ История советского крестьянства. Т. 4. С. 183; ЦГАНХ СССР, ф. 7486, оп. 7. д. 1019-а, л. 17.
- ¹⁰⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 8, д. 690, л. 2.
- ¹⁰⁷ ЦГАНХ СССР, ф. 8040, оп. 3, д. 1825, л. 1.
- ¹⁰⁸ Поляков Ю. А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967. С. 333; Очерки развития народного хозяйства Украинской ССР. М., 1954. С. 159.
- ¹⁰⁹ Советская деревня в первые послевоенные годы. С. 242—244; ЦГАНХ СССР, ф. 4372, оп. 47, д. 675, л. 64.
- ¹¹⁰ Численность скота в СССР: Стат. сб. М., 1957. С. 6.
- ¹¹¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 8, д. 695, л. 135; д. 1583, л. 345.
- ¹¹² Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. № 19.
- ¹¹³ КПСС в резолюциях... Т. 6, М., 1971. С. 210.

